

Песнь песней доблести народной

«Слово о полку Игореве» любимо мною с детства. Благодаря ему я узнал многое, чего не узнал бы никогда... Вот уже несколько лет я пытаюсь уяснить с помощью «Слова» некоторые весьма интересные исторические факты.

Вопрос взаимоотношений Киевской Руси с кыпчаками-половцами ещё недостаточно изучен, но и тех сведений, которыми располагает древняя русская летопись, недостаточно, чтобы сложилось определённое мнение на этот счёт.

Общение русичей с кыпчаками разворачивалось не только на поле военных столкновений, но и на поле экономического, политического взаимодействия, шло в форме неизбежного при длительном соседстве обмена материальными и духовными ценностями.

Совершенно неожиданная для меня картина возникла, когда я попытался, в частности, выяснить такую деталь, как случаи заключения браков между русичами и степняками. Насколько я знаю, Олег Тмутараканский был женат на дочери кыпчакского хана. Жена Игоря – Ефросинья Ярославна – была дочерью уроженки кыпчакских степей. Сын Игоря – Владимир – был женат на дочери Кончака. Вот как тесно переплелись линии Руси и Дикого Поля! В семье Ольговичей князь Игорь, по-видимому, воспитывался в атмосфере дружбы с Полем. В 1180 году он ходил в поход вместе с Кончаком против одного из удельных князей, но неудачно. Летопись говорит, что Игорь спасся, успев вскочить с Кончаком в «ладью». Желание захватить в свои владения дедовскую Тмутаракань через пять лет столкнуло Игоря с Кончаком в смертельном бою. Но Кончак, помня старую дружбу, на поле боя поручился за раненого Игоря и даже породнился с ним.

Родство Ольговичей со степняками продолжалось и в условиях войны. Черниговские князья Ольговичи по традиции держали у себя кыпчакскую дружину, которая тоже участвовала в походе Игоря против самих кыпчаков.

Я потому так подробно остановился на истории семейных взаимоотношений русских с половцами, что, как мне кажется, изучение этого взаимовлияния помогает найти ключ к пониманию некоторых особенностей великого творения.

Нам знакомы аргументы скептиков, выступавших против подлинности «Слова». Французский учёный А. Мазон, например, строит свои опровержения подлинности как раз на том, что защитники «Слова» неправильно толкуют тюркизмы в лексике произведения.

Тюркские элементы в языке «Слова» – это «область», изучаемая востоковедческой наукой, но, увы, не очень активно.

В «Слове» большое количество «неведомых» тюркизмов, ныне вошедших в русский словарь, часто не с тем значением, с которым они

употребляются в памятнике XII века. Мне кажется, что как раз «неведомые», «обжитые» русским языком тюркизмы и свидетельствуют в пользу древности «Слова о полку Игореве», ибо в XVIII веке никакой гигант не стал бы использовать так полно и точно языковые и образные элементы тюркской поэзии в русском литературном произведении. В XVIII веке он прежде всего обратился бы к скандинавским сагам.

Именно на нормандских параллелях строит свои доказательства профессор А. Мазон. Ему невыгодно обращаться к тюркизмам, ибо его теория о «шовинисте-фальсификаторе» не получила бы с их помощью серьёзного подтверждения.

Никакой шовинист-фальсификатор не стал бы создавать первую патриотическую русскую поэму о князьях, наполовину кыпчаках по крови, к тому же о славянском герое, потерпевшем поражение; не стал бы обильно насыщать авторскую речь тюркской лексикой и образными выражениями...

Я люблю «Слово». Для меня оно – высокая школа поэзии.

Олжас Сулейменов

Алма-Ата

1963, № 153